

Maria Shapor

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation

Modern trends and problems of income inequality in an open economy

(Современные тенденции и проблемы неравенства уровня доходов в условиях открытой экономики)

Введение

Как было обозначено нами ранее, в данном разделе представленного исследования рассмотрены российские и зарубежные работы, в которых анализируются основные тенденции и связанные с ними проблемы неравенства уровня доходов. Таким образом, целью представленного раздела настоящего исследования стал анализ современных тенденций и проблем неравенства уровня доходов различных групп стран – развитых и развивающихся.

1. Теоретические подходы к классификации и анализу основных тенденций неравенства уровня доходов

Открывает данный раздел представленного обзора литературы исследование [1], в котором был проведен обзор тенденций относительного и абсолютного неравенства доходов, представленного в страновом разрезе за период с 1820 по 2000 годы. Автором отмечается значительный рост межстрановых различий в исследуемый период, независимо от того, измеряются ли они в относительном или абсолютном выражении. В свою очередь, внутристрановое неравенство особенно сильно возросло в последние десятилетия: темпы его роста ускорились после 1950 года в абсолютном выражении и после 1975 года – в относительном.

Отмечено, что исследованию неравенства и влиянию изменений распределения уровня доходов на экономические процессы и социальные условия были посвящены работы классиков экономической теории – А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Милля и К. Маркса. К концу XX века данная тематика [2] снова обрела свою актуальность, что было обусловлено наличием новых эмпирических данных, свидетельствующих о том, что рост неравенства может оказать неблагоприятное воздействие на макроэкономическую стабильность в стране и негативно сказаться на ее экономическом росте [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10].

Таким образом, целью данной работы является анализ исторических тенденций относительного и абсолютного межстранового, внутристранового, а также общемирового неравенства доходов.

Отметим, что в представленных ранее исследованиях изучались только долгосрочные или внутристрановые тенденции неравенства доходов в глобальном

масштабе, либо с использованием исключительно относительных оценок [11], [12], [13], либо с использованием только абсолютных оценок [14]. Соответственно, данная работа является первым исследованием, позволяющим провести сравнительный анализ изменений относительного и абсолютного неравенства за 1820 и 2010 годы, для того, чтобы установить, было ли их движение однонаправленным или же изменения имели разнонаправленный характер.

В ходе проведенного исследования автором были выявлены следующие закономерности:

1. Выявлен значительный рост неравенства уровня доходов между странами в период с 1820 по 2000 годы, снижение которого наметилось в начале XX века, как в относительном, так и в абсолютном выражении.

2. Отмечается, что наибольший рост внутристранового неравенства наблюдался после 1950 года в абсолютном выражении и после 1975 года – в относительном.

3. Наблюдался существенный рост абсолютного глобального неравенства после 1950 года, в то время как относительное глобальное неравенство снизилось за период с 1980 по 2010 годы.

4. Выявлено, что современные глобальные уровни относительного и абсолютного неравенства намного выше, чем они были в 1820 году.

Меры относительного и абсолютного неравенства могут применяться в различных случаях. Для целей настоящего исследования использованы оба варианта в трех случаях: внутристрановое, межстрановое и глобальное неравенство. Внутристрановое неравенство включает в себя различия доходов отдельных лиц и домохозяйств в конкретной стране (данные об индивидуальных доходах обычно получают из обследований домохозяйств). Эти различия в доходах могут быть оценены либо без учета прямых налоговых платежей и трансфертов (рыночное неравенство), либо с учетом этих изменений, снижающих/увеличивающих доход (чистое неравенство). Как правило, оценки рыночного неравенства внутри страны выше, чем оценки чистого неравенства внутри страны, учитывая, что прямые налоговые платежи и трансфертные поступления обычно имеют прогрессивный характер. В свою очередь, межстрановое неравенство касается различий среднего дохода стран, обычно измеряемом данными ВВП на душу населения, скорректированными по паритету покупательной способности (ППС). Кроме того, межстрановое неравенство и внутристрановое неравенство по доходу с поправкой на численность населения используется для оценки степени неравенства между гражданами разных стран и регионов мира. Таким образом, концепция глобального неравенства позволяет сравнить доходы наименее обеспеченных домохозяйств в богатых странах с

доходами наиболее обеспеченных слоев населения бедных стран, а также рассмотреть различные иные сравнительные комбинации, например, сравнить доходы наиболее обеспеченных слоев населения наиболее богатых стран и наиболее обеспеченных домохозяйств беднейших регионов мира.

Имеющиеся данные показывают, что в относительном выражении значительное расхождение доходов между странами наблюдалось в XIX и XX веках. В 1820 году ВВП на душу населения большинства стран был относительно одинаковым, но в течение следующих 180 лет современные развитые страны имели значительно более высокие средние темпы роста, чем остальной мир. В результате межстрановой коэффициент Джини почти утроился за этот период, увеличившись с 0,20 в 1820 году до 0,54 в 2000 году. Соответственно, разрыв между самой богатой и самой бедной страной в 2000 году был намного выше, чем в 1820 году: средний ВВП на душу населения в самой богатой стране мира был в шесть раз больше, чем в самой бедной стране в 1820 году, тогда как в 2000 году этот показатель увеличился до 134,8. Так, представленные в исследованиях [15], [16] оценки показали, что современный уровень относительного межстранового неравенства стал выше, чем предполагалось ранее, что было обусловлено более высоким уровнем неравенства, поскольку оценки ППС, исходя из материалов Программы международных сопоставлений за 2005 год привели к пересмотру в сторону понижения оценок ВВП по ППС многих развивающихся стран, в частности, Индии и Китая на 40%.

Для стран Латинской Америки рост неравенства в 1990-е годы был обусловлен низкими темпами роста исследуемого региона. Кроме того, в исследуемый период наблюдалось снижение доходов стран Восточной Европы, а также имел место ряд катастрофических экономических изменений во многих африканских странах [12]. В начале 2000-х годов, наметившийся резкий рост цен на сырьевые товары привел к созданию благоприятных экономических условий для развивающихся странах, производящих сырьевые товары, результатом которых стали относительно высокие среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения этих стран, в то время как в развитых странах наблюдался относительно медленный рост данного показателя.

В работе также отмечается, что наиболее важной причиной роста относительного неравенства в Северной Америке и Западной Европе является чрезмерное увеличение доходов наиболее обеспеченных слоев населения. Следует отметить, что не только тенденции относительного и глобального неравенства доходов существенно различаются, но и их составляющие элементы. В свою очередь, глобальное неравенство может включать в себя внутривосточное и межстрановое неравенство (с поправкой на численность населения страны). Согласно материалам представленной работы, было выявлено, что в

1850 году как относительное, так и абсолютное глобальное неравенство в основном объяснялось неравенством внутристрановых доходов (то есть 69 и 76% соответственно глобального неравенства были обусловлены различиями доходов различных групп населения страны). В 2000 году, напротив, относительное глобальное неравенство в основном было обусловлено различиями межстрановых доходов, являясь основной предпосылкой роста абсолютного глобального неравенства.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Представленные оценки свидетельствуют о том, что современный уровень глобального неравенства доходов намного выше, чем он был в 1820 году, независимо от того, измеряется ли он в абсолютном или относительном выражении. Однако исторические тенденции внутристранового и глобального неравенства существенно различаются в зависимости от выбранного типа неравенства – абсолютного или относительного. Кроме, выявлен рост абсолютного внутристранового неравенства доходов в мире (за исключением периода 1929–1950 годы), наибольший рост которого пришелся на 1950 год. Относительное неравенство доходов, напротив, не позволяет отследить тенденции до 1950 года, при этом его снижение наблюдается между 1950 и 1970 годами, а резкий рост – с 1975 года.

2. Разнонаправленные тенденции глобального неравенства были выявлены после 1970 года, когда относительное неравенство снизилось, а абсолютное неравенство при этом росло гораздо быстрее, чем в период до 1970-х годов. Также следует отметить, что региональные различия гораздо более выражены в оценке абсолютных показателей неравенства, чем в относительных.

3. Следует отметить, что результаты представленного исследования свидетельствуют о том, что проведение различной экономической политики позволяет снизить или повысить показатели абсолютного или относительного глобального неравенства. В данной работе также отмечается, что три четверти относительного глобального неравенства объясняется разницей внутристрановых доходов, а также миграцией, которая является лучшим способом снижения показателей относительного глобального неравенства. Кроме того, перераспределительная политика государства (вместо миграции) была бы наиболее эффективной мерой снижения абсолютного неравенства, поскольку в настоящее время внутристрановое неравенство доходов объясняет более двух третей абсолютного глобального неравенства.

Следующей работой является исследование [17], в котором анализируется взаимосвязь основных тенденций современной международной торговли, обусловленных глобализацией мирового хозяйства, связанной с ростом неравенства уровня доходов

населения большинства стран мира. В данной работе отмечается, что технологический прогресс и глобализация мирового хозяйства рассматриваются как две основные движущие силы экономического роста начала 2000-х годов. В широком смысле технологический прогресс следует понимать, как развитие и распространение новых идей и методов, позволяющих повысить производительность и эффективность производства продукции, а глобализацию, как катализатор внедрения новых технологий, способствующих открытию и освоению новых рынков, а также притоку ПИИ. В исследовании [18] отмечается, что большинство технологических инноваций внедряется развитыми странами, при этом развивающиеся страны выигрывают от применения существующих технологий.

Данное исследование основано на использовании панельных данных 51 страны мира, относящихся как к развитым, так и к развивающимся, за период с 1981 по 2003 годы, полученных на основе материалов базы данных Всемирного банка. В представленной работе приведены доказательства большего влияния технологического прогресса на неравенство уровня доходов нежели глобализации. Ограниченное влияние глобализации на неравенство уровня доходов объясняется наличием двух разнонаправленных тенденций: в то время как глобализация торговли связана с сокращением неравенства, финансовая глобализация, связанная с притоком прямых иностранных инвестиций, напротив, способствует росту неравенства доходов населения страны.

Следующим аспектом исследования, требующим анализа в рамках представленной работы, является выявление отдельных последствий влияния глобализации, связанных с повышением степени открытости экономики, а также с ростом финансовой глобализации, которой не было уделено достаточного внимания в более ранних исследованиях. В данной работе рассмотрены различные аспекты торговой и финансовой глобализации, включая, например, экспорт продукции обрабатывающей промышленности по сравнению с сельским хозяйством, и международные потоки портфельных инвестиций и акционерного капитала по сравнению с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ). В работе отмечается, что различные аспекты глобализации по-разному влияют на неравенство.

В методологическом плане практическая значимость представленного исследования состоит в абсолютно новой базе данных, включающей в себя 51 страну (20 развитых и 31 развивающуюся) за период с 1981 по 2003 годы, что позволяет более полно проанализировать основные аспекты неравенства стран мира. В данную базу был включен коэффициент Джини для развитых и развивающихся стран, учитывающий для развитых стран уровень дохода, а для развивающихся – уровень потребления. Поскольку данные по доходу и потреблению не приводятся ежегодно, в оценках используется несбалансированная панель с наблюдениями, включенными только за те годы, по которым

имеются фактические данные. Отметим, что межстрановые сопоставления неравенства имеют низкую степень надежности, а также непоследовательное изложение методологии его формирования. В связи с обозначенными недостатками статистической информации в представленной работе используются только данные о доходах и расходах.

В отличие от большинства существующих исследований, которые сосредоточены на внутристрановых различиях неравенства, данное исследование уникально тем, что в нем использованы развитые и развивающиеся страны, связанные коэффициентом Джини, различным уровнем участия в процессе глобализации мирового хозяйства, а также различиями в уровне технологического прогресса. Уровень глобализации в работе определяется на основе следующих параметров: средняя ставка таможенного тарифа, а также отношением как несырьевого экспорта, так и ненефтяного импорта к ВВП. Финансовая открытость измеряется с использованием индекса Чинна-Ито, позволяющего оценить степень открытости счета операций с капиталом, а также коэффициенты различных видов финансовых обязательств (ПИИ, портфельный капитал и государственный долг) по отношению к ВВП, выраженных в процентах от ВВП.

Таким образом, представленная оценка и построенная на ее основе модель не связана напрямую с какой-либо из существующих теорий, включая в себя совокупность компонентов известных теорий, представленных в литературе. Представленная модель основана на спецификации фиксированных эффектов, с учетом которых глобализация включает в себя меры открытости торговли и финансовой открытости, а также учитывает запас капитала и физический капитал. Вектор дополнительных управляющих переменных включает в себя объем кредитования частного сектора, долю населения в возрасте 15 лет и старше со средним или высшим образованием, количество лет обучения для лиц в возрасте 15 лет и старше, долю занятости в сельском хозяйстве и промышленности, а также показатели общей занятости.

Имеющиеся в работе данные свидетельствуют о том, что неравенство доходов увеличилось в большинстве стран и регионов мира за последние два десятилетия. Тем не менее, средние доходы беднейших слоев населения увеличились по всем регионам. Представленный анализ показывает, что растущие объемы торговли и масштабы финансовой глобализации оказывали разнонаправленное влияние на распределение доходов. Установлено, что либерализация торговли и рост объемов экспорта связаны с меньшим неравенством уровня доходов, тогда как повышение финансовой открытости связано с более высоким уровнем неравенства. Однако совокупный вклад обозначенных выше тенденций в рост неравенства был намного меньше, чем вклад технологических

изменений на глобальном уровне, который имел наибольшую значимость для развивающихся стран.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Рассчитано, что в период выборки коэффициент Джини увеличивался на 0,42% ежегодно. Разложение совокупного прироста индекса Джини показывает, что технологии способствовали среднегодовому приросту на 0,74%, относительно других составляющих его элементов. В свою очередь, глобализация способствовала дополнительному приросту (0,08%) в годовом исчислении. Представленные оценки показывают, что расширение доступа к образованию и уход от сельского хозяйства в сфере занятости оказали смягчающее воздействие на неравенство и позволили его нивелировать.

2. Выявлено, что для развитых стран импорт из развивающихся стран не связан со снижением неравенства уровня доходов, что противоречит теореме Столпера-Самуэльсона и согласуется с заменой низкооплачиваемых рабочих мест на производстве более высокооплачиваемыми в сфере услуг, в частности, в сфере розничной торговли и потребительского кредитования. Как и следовало ожидать, импорт из других стран с развитой экономикой не оказал аналогичного положительного влияния на неравенство, в связи с тем, что более дорогой импорт, скорее всего, коснется только слоев населения с наиболее высоким уровнем дохода.

3. Доказано, что как в развитых, так и в развивающихся странах ПИИ связаны с ростом неравенства доходов, как при их оттоке, так и при их притоке в другие страны. С точки зрения принимающей страны ПИИ, как правило, направляются в отрасли, работники которых имеют более высокую квалификацию и владеют высокими технологиями. Стоит отметить, что несмотря на то, что ПИИ увеличивают занятость и доходы, они, как правило, благоприятствуют тем, кто уже имеет относительно более высокий уровень квалификации и образования. В результате как в развивающихся, так и в развитых странах приток ПИИ увеличивает относительный спрос на более квалифицированных работников. Так, экспорт ПИИ из развитых стран ведет к увеличению неравенства за счет сокращения возможностей трудоустройства в отраслях с относительно низким уровнем квалификации.

4. Представленные в работе оценки с использованием нового и более надежного набора данных о неравенстве и подробного описания показателей глобализации, разложенных на элементы, свидетельствуют о том, что наблюдаемый рост неравенства как в развитых, так и в развивающихся странах за исследуемый период в значительной степени объясняется влиянием технологических изменений.

5. Выявлен пятикратный рост объемов мировой торговли в реальном выражении с 1980 года, а доля торговли в мировом ВВП за этот период увеличилась с 36 до 55%. Отмечено, что торговая интеграция ускорилась в 1990-е годы, когда страны бывшего Восточного блока интегрировались в глобальную торговую систему, а развивающаяся Азия — один из наиболее закрытых для торговли регионов в 1980-е годы — постепенно снял торговые барьеры.

6. Доказано, что финансовая глобализация в исследуемый период имела очень высокие темпы, что подтверждается более чем двукратным увеличением трансграничных финансовых активов (с 58% мирового ВВП в 1990 году до 131% в 2004 году соответственно). Следует отметить, что доля ПИИ в совокупных обязательствах возросла во всех странах с формирующимся рынком с 17% от их совокупных обязательств в 1990 году до 38% в 2004 году, что значительно превышает долю пассивов портфельного капитала, которая возросла с 2 до 11% от общей суммы обязательств за тот же период. При этом доля международных резервов в трансграничных активах также возросла, отражая накопление резервов во многих странах с формирующимся рынком, а также в развивающихся странах за исследуемый период.

2. Страновые особенности и тенденции неравенства уровня доходов

Следующей работой, представленной в рамках настоящего обзора литературы, является исследование [19], входящее в группу работ, описывающих страновые тенденции и аспекты неравенства уровня доходов. В этой статье представлены эмпирические данные оценки влияния социально-экономических и политических переменных на показатели неравенства доходов на основе использования данных по 27 федеральным штатам Бразилии за период с 1999 по 2008 годы. Опыт Бразилии является удачным примером для понимания политики неравенства доходов развивающихся стран. Отмечается, что на протяжении десятилетий неравенство доходов в Бразилии было очень высоким по сравнению с другими странами [20]. Однако в конце 1990-х годов уровень неравенства стал снижаться. Полученные данные свидетельствуют о том, что улучшение, наблюдаемое в течение анализируемого периода, является результатом сочетания большей открытости торговли, повышения уровня технологического и финансового развития, снижения уровня безработицы, принятия социальной политики, предполагающей прямое воздействие на беднейшие домохозяйства и принятие механизмов борьбы с коррупцией.

В свою очередь, целью данной работы является оценка регионального неравенства в Бразилии за период с 1999 по 2008 годы на основе использования соответствующих макроэкономических переменных.

Помимо макроэкономических переменных, речь о которых пойдет ниже, для оценки показателей неравенства в рамках представленной работы использованы следующие индикаторы: коэффициент Джини, индекс Тейла, а также отношение доходов 10% самых богатых к доходам 40% самых бедных домохозяйств (соотношение 10:40), согласно которому доходы наиболее обеспеченных слоев населения в несколько раз превышают данный показатель для наименее обеспеченных.

В период с 1999 по 2008 годы индекс Джини упал всего на 4,3%, индекс Тейла — на 8,1%, а соотношение 10:40 — на 15,3%. В свою очередь, наиболее успешным регионом был признан юг, где не только зафиксирован самый низкий уровень неравенства доходов за весь исследуемый период, но также наблюдалось наиболее резкое снижение неравенства (снижение индекса Джини на 12%, индекса Тейла – на 22,8% и 32,4%).

Перейдем непосредственно к использованным в рамках настоящей работы переменным и дадим их краткую характеристику:

1. Открытость торговли, являющаяся значимой переменной для проведения анализа неравенства доходов ранее применялась в следующих исследованиях: [21], [22], [23]. Экономический смысл представленной переменной сводится к взаимосвязи системы распределения и открытости торговли, частично зависящей от того, в какой степени производственные факторы используются в производстве основных видов производимых страной товаров. При этом страновые различия могут быть усилены различиями в налоговом и трудовом законодательстве. Отметим, что в данном документе используется показатель открытости торговли между штатами и иностранными государствами, основанный на данных Министерства развития, промышленности и внешней торговли Бразилии, и Центрального банка Бразилии.

2. Отдельно стоит отметить использование в рамках представленной модели следующих индикаторов неравенства доходов: коэффициент Джини, индекс Тейла, а также соотношение 10:40.

3. Следующей используемой в рамках настоящей работы переменной является уровень безработицы по штатам в формальном и неформальном секторе. Отмечается, что уровень безработицы снизился на 38% на юге страны. В свою очередь, в юго-восточном регионе наблюдался второй по значимости уровень безработицы в стране. Впоследствии его снижение составило 27,4%, что стало вторым по значимости показателем снижения уровня безработицы в стране. Центральным элементом политики правительства Бразилии по борьбе с бедностью в анализируемый период была программа выплаты денежных пособий Bolsa Família, начатая в 2004 году, согласно условиям которой семьи с детьми получали в среднем 70 реалов (около 40 долларов США) в случае, если дети посещают

школу и проходят необходимые плановые медицинские обследования и процедуры. Благодаря реализации этой социальной инициативы Министерство социального развития и борьбы с голодом охватило большую часть малообеспеченного населения страны (более 46 миллионов человек), что также способствовало снижению уровня неравенства.

4. Переменные, позволяющие учитывать влияние политических факторов на распределение доходов. Согласно материалам исследований [24] и [25], демократическая система коррелирует с более низким уровнем бедности. Поэтому в данной работе рассмотрена смена политической власти в бразильских штатах. Отмечено, что в период с 1999 по 2008 годы в Бразилии было три избирательных мандата (1999-2002, 2003-2006 и 2007-2010 годы).

Предложенный в рамках настоящей работы индикатор политических изменений представляет собой фиктивную переменную, которая принимает значения ноль или единицу в зависимости от того, наблюдаются ли изменения в политике с учетом новой власти или же курс остается прежним, а, следовательно, проводится оценка взаимосвязи изменения уровня доходов населения в зависимости от находящейся у власти партии. Еще одним политическим фактором является влияние социальных расходов государства на нивелирование проблемы неравенства в стране. За исключением северо-восточного региона, во всех регионах за отчетный период зафиксировано снижение доли социальных расходов, одной из причин которого стал принятый Закон о финансовой ответственности, одобренный Конгрессом Бразилии в 2000 году, ограничивающий расходы штатов до 60%. Третьей политической переменной стало отношение, описывающее влияние коррупции на неравенство доходов, ранее применявшееся в исследованиях [26] и [27]. Согласно материалам представленного исследования, значения бразильского индекса восприятия коррупции значительно ухудшились с 1999 по 2008 годы, перейдя с 45-го на 80-е место в рейтинге стран с наименьшим уровнем коррупции.

В рамках представленной модели суммарно было использовано 270 наблюдений, представленных в годовом разрезе и реализуемых для 26 бразильских штатов, включая федеральные округа за период с 1999 по 2008 годы. Исследование было реализовано на основе использования панельных данных и обобщенного метода моментов. Преимуществом использования данного метода является то, что в дополнение к устранению ненаблюдаемого влияния на регрессию, оценки надежны даже в случае опущения переменных. В частности, использование инструментальных переменных позволяет проводить последовательную оценку параметров, даже в случае эндогенности объясняющих переменных и наличия ошибок измерения [28].

Для получения эмпирических доказательств влияния переменных на неравенство доходов в данной работе было рассмотрено два набора системных моделей, реализуемых на основе использования метода моментов и представленных в исследовании панельных данных. Первый набор данных включает традиционные переменные (открытость торговли; отношение патентов, выданных в каждом штате, к общему количеству патентов, выданных Бразилией в данном году; динамика привлечения ПИИ и увеличение числа внедренных новых технологий и ноу-хау) и социально-экономические переменные (годовое изменение минимальной заработной платы в каждом штате в ценах 2000 года, уровень безработицы по штатам в формальном и неформальном секторе и доля получателей социальной помощи, относительно общей численности населения штата). Второй набор данных также учитывает обозначенные выше переменные, но наряду с ними включает переменные, представленные в первом наборе данных, подверженные некоторому политическому влиянию (некоторые эпизоды политических перемен, включающих в себя смену политического курса; доля расходов на социальную сферу, а также средний уровень коррупции по штатам и федеральным округам).

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Представлены эмпирические данные о неравенстве доходов в бразильской экономике. Проведенный в работе региональный анализ показал, что существуют значительные различия по стране. В целом на юге Бразилии наблюдается самый низкий уровень неравенства доходов. В свою очередь, на северо-востоке зафиксированы худшие показатели в рамках исследуемого периода. Отмечается, что введение социальной помощи для семей с детьми позволило улучшить положение во всех регионах. Результаты проведенного анализа показали, что есть несколько факторов, которые могут объяснить снижение неравенства в Бразилии, важнейшим из которых стала открытость экономики. В исследованиях [21], [22], [23] утверждается, что в странах с трудоемким экспортом, таких как Бразилия, увеличение открытости торговли способствует увеличению неравенства уровня доходов. Следовательно, расширение торговых соглашений и гармонизация налогов могут способствовать повышению открытости торговли, что в дальнейшем позволит решить проблему неравенства. Результаты представленного исследования также свидетельствуют, что рост технического прогресса означает снижение неравенства доходов в соответствии с аргументами, изложенными в работе [29].

2. Выявлено, что активное финансовое развитие также коррелирует с сокращением неравенства, что подтверждается результатами исследований, изложенных в работе [30]. Следовательно, рекомендуемая политика включает в себя расширение

партнерских отношений, возникающих между компаниями и университетами, а также призвана способствовать созданию правовой среды, способной стимулировать частный сектор и инвестиции в технологии. При этом стратегия правительства Бразилии, связанная с повышением минимальной заработной платы, отрицательно коррелирует с неравенством. В свою очередь, безработица способствует росту неравенства, поэтому проведение политики ликвидации безработицы имеет решающее значение. Эмпирические данные о влиянии политических факторов на неравенство показали, что изменение политического режима не способствует улучшению социальных условий. Аналогичным образом увеличение социальных расходов не снижает неравенство доходов. Одно из возможных объяснений этого явления состоит в том, что эти ресурсы не доходят до беднейших семей.

3. Выявлено, что использование пакета инструментов борьбы с бедностью может привести к лучшим результатам. Кроме того, бразильский случай подтверждает предположение о том, что более высокий уровень коррупции коррелирует с ростом неравенства уровня доходов [26]. Отдельно стоит отметить, что государству необходимо разработать и внедрить единый пакет мер, которые будут способствовать ограничению коррупции в стране.

Следующей работой, представленной в рамках настоящего обзора литературы, является исследование [31], в котором анализируются основные тенденции регионального неравенства в КНР. В данной работе представлено исследование регионального неравенства в Китае, а также описаны основные его тенденции и механизмы за период с 1952 по 2013 годы. Авторами настоящей работы были построены долгосрочные временные ряды, позволяющие описать региональное неравенство КНР с момента ее создания до 2013 года, а также рассмотреть изменения и уровень регионального неравенства за последние шесть десятилетий. Проведенное исследование показало несколько пиков регионального неравенства за последние шестьдесят лет, что коррелирует с различными этапами реализации стратегии развития Китая, при этом тенденция регионального неравенства не показывает четких расходящихся, конвергентных или перевернутых U-образных моделей.

Отмечена чувствительность регионального неравенства к географическому фактору, согласно которому межрегиональное неравенство между Восточным, Западным и Центральным регионами усиливается. Однако, как межрегиональное, так и неравенство, возникающее между отдельными китайскими провинциями, существенно сократилось после глобального экономического кризиса 2008 года. Проведенный эконометрический анализ также показал, что на региональное неравенство КНР значимое влияние оказали следующие тенденции: децентрализация, маркетизация и глобализация. В данной работе обосновано, что неравномерность регионального развития Китая связана с проводимой в

стране политикой и переходным характером проводимых в стране реформ. В связи с тем, что Китай является значимым участником глобальной экономической интеграции, также растет его подверженность внешним потрясениям.

Целью представленной работы является проведение комплексного анализа регионального неравенства в Китае с акцентом на его тенденции, географию и масштабы, а также лежащие в их основе механизмы.

Данное исследование основано на анализе 31 административной единицы (провинций) Китая. В представленных ранее исследованиях использовались различные схемы разбиения китайских провинций на группы. В данной работе 31 провинция была сгруппирована в три региона: Западный, Центральный и Восточный. При этом восточные провинции включают Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь, Шаньдун, Хайнань и Ляонин. Центральный регион включает в себя Шаньси, Цзилинь, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань. Провинции западного региона включают в себя Гуанси, Сычуань, Гуйчжоу, Юнань, Сизан, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян и Внутреннюю Монголию. Полный набор данных с использованием статистических ежегодников Китая по ВВП, в том числе, данных по ВВП на душу населения и системы учета домохозяйств был составлен за исследуемый период (1952-2013 годы).

Для проведения анализа регионального неравенства в пореформенную эпоху в работе были использованы данные о постоянном населении и о лицах из сельской местности, переселяющихся в города. Такое ранжирование населения страны необходимо для проведения исследования мультискалярных характеристик регионального неравенства Китая. Отметим, что данные о неравенстве и ВВП на уровне провинций были представлены в постоянных ценах 1978 года. Для изучения регионального неравенства в работе были использованы следующие индексы: коэффициент вариации (CV), коэффициент Джини и индекс Тейла. Помимо показателей, позволяющих оценить региональное неравенство, в работе был использован коэффициент локализации производств (LQ), позволяющий дать количественную оценку концентрации конкретной отрасли производства в регионе, что также может оказать положительное влияние на доходы населения изучаемой территории.

В частности, значение индекса Тейла для лиц, определившее отношение переселившихся из сельской местности в города за период с 2005 по 2013 годы в расчете по ВВП на душу населения, снизился на 13%, в то время как для коренных горожан он возрос на 40%. Отметим, что представленные в рамках настоящей работы результаты согласуются с другими исследованиями, посвященными этому вопросу, и показывают, что сохраняется пространственное неравенство экономического развития богатых и бедных провинций.

Наилучшей иллюстрацией представленного процесса является возможность учета процессов миграции, осуществляемой между провинциями Китая и позволяющей учитывать численность населения провинций. В ранее опубликованных работах отмечается, что уровень внутрирегионального неравенства достиг пика в 1975 году и существенно снизился в период реформ, что подтверждают материалы исследований [32], [33].

Таким образом, представленная в рамках настоящей работы модель позволяет оценить взаимосвязь неравенства, возникающего как на уровне провинций, так и на уровне регионов страны, с глобальными тенденциями развития страны (децентрализация, маркетизация и глобализация) за последние шестьдесят лет. В данной работе были использованы однопериодные лаговые значения независимых переменных в качестве регрессоров для уменьшения потенциальных проблем эндогенности, в то время как все независимые переменные были представлены в логарифмической форме. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить потенциальные проблемы мультиколлинеарности, обусловленной сильной корреляцией между тремя независимыми переменными, составившим более 0,75. Для проверки значимости обозначенных переменных в модель были введены прокси – переменные.

На основе полученных результатов построения модели были выявлены следующие закономерности:

Во-первых, модели, ориентированные на межрегиональное неравенство, позволяют более корректно описать влияние экономического развития на региональное неравенство с более высоким значением R^2 . Тест Чоу свидетельствует о значительном прорыве в 1979 году.

Во-вторых, переменные, описывающие децентрализацию, маркетизацию и глобализацию являются важными факторами регионального неравенства как на уровне провинций, так и на региональном уровнях с ожидаемыми знаками коэффициентов.

В-третьих, результаты представленной модели показали, что существует возможная взаимосвязь глобализации и регионального неравенства, как на уровне провинций, так и на уровне регионов. Было выявлено, что обозначенная взаимосвязь укрепилась в период реформ. Поэтому, когда Китай открылся, прибрежный регион получил ряд сравнительных преимуществ в экспортных секторах, что способствовало повышению темпов экономического роста исследуемого региона и, как следствие, увеличению разрыва между регионами и провинциями КНР. Об этом также свидетельствуют полученные значения коэффициентов маркетизации, что согласуется с материалами предыдущих исследований, например, работы [34]. Что касается эффекта децентрализации, то полученные результаты

предполагают положительную динамику регионального неравенства и возможности проведения фискальной политики местными органами власти, в то время как было выявлено, что связь была более очевидной в эпоху реформ.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Рассмотрена эволюция регионального неравенства в Китае за период с 1952 по 2013 годы. Было выявлено, что изменения динамики регионального неравенства совпадают с различными этапами регионального развития Китая. Являясь второй по величине экономикой мира, Китай стал удачным примером для проверки теорий регионального неравенства, которые в основном основано на примерах западных стран. Результаты данного исследования также показали, что конвергенция и дивергенция в теории перевернутой U-образной кривой редко применимы в случае Китая. Исследования регионального неравенства в Китае сталкиваются с целым рядом проблем с точки зрения методологических аспектов и качества данных. Это утверждение является наиболее корректным, поскольку объем исследования был существенным образом расширен в части анализа социальных и экологических проблем по сравнению с ранее опубликованными работами [35], [36], но при этом требуется использование дополнительной информации в части анализа основных аспектов проводимой в стране политики.

2. Проведенный регрессионный анализ позволил выявить три ключевые переменные (глобализация, децентрализация и маркетизация), что утвердило значимость экономики, как фундаментального механизма, позволяющего проанализировать основные причины изменения уровня регионального неравенства. Учитывая сложность и масштабность обозначенного механизма, представленная работа может стать основой нового этапа проведения мультискалярных исследований.

3. Определены основные перспективные направления будущих исследований регионального неравенства, связанные с масштабами регионального неравенства. Кроме того, в данном исследовании отмечается, что следует проводить анализ регионального неравенства с использованием современного методологического аппарата, связанного с применением пространственно-временного анализа. Еще одной проблемой, препятствующей проведению современных исследований, стала несогласованность данных, примером которой явилось деление населения регионов на коренное городское и лиц, переселившихся в города из села, и разнице в значениях ВВП на душу населения у обозначенных групп горожан. Еще одной проблемой явилось возможное изменение территориального деления исследуемых регионов, например, связанное с реформой начала 2000-х годов, повлекшее за собой неточность полученных результатов в связи с

недостаточной точностью данных по численности населения конкретного региона после проведенной административной реформы, что могло существенно снизить качество представленной прогнозной модели.

4. Отдельного внимания заслуживают такие аспекты регионального неравенства, как возникающее экономическое несоответствие неравенства в отношении окружающей среды и здоровья населения, а также исследования, ориентированные на использование экономики знаний, которая, в свою очередь, может явиться предпосылкой новой формы возникновения регионального неравенства. В связи с тем, что экономика КНР становится более инновационной, может возникнуть новая форма регионального неравенства [37].

Следующей работой, представленной в рамках настоящего обзора литературы, является исследование [38], в котором утверждается, что уровень дифференциации доходов населения и тенденции его изменения являются значимыми характеристиками экономической политики государства. Данная работа является также фактическим продолжением группы работ, описывающих страновые тенденции неравенства доходов.

В работе отмечено, что основой неравенства доходов служат объективные причины (различные профессии и специальности, различный уровень образования, дифференцированный подход к способностям людей, отраслевая и географическая классификация с учетом территории проживания, а также стартовые условия лица или группы лиц, учитывающие, в том числе, принадлежность к различным социальным слоям). При этом до определенного уровня неравенство доходов выполняет мотивирующую функцию, стимулируя человека к личностному росту и повышению статуса в обществе. Однако дифференциация доходов выше определенной границы приводит к снижению совокупного спроса на внутреннем рынке, росту политической нестабильности, негативным общественным настроениям, что впоследствии может стать предпосылкой роста преступности исследуемого региона. Отметим, что период проведения в рамках представленной работы исследования включает в себя 2005–2015 годы. Таким образом, цель данного исследования сводится к оценке современного состояния и тенденций неравенства уровня доходов в среднесрочной перспективе в России.

Основными источниками доходов в России являются следующие: заработная плата, доходы от собственности и предпринимательства, а также социальные выплаты и трансферты. При этом основную часть доходов населения России составляет заработная плата (65,6%). Второе место занимают социальные выплаты (18,3%), затем идут доходы от предпринимательства и собственности, суммарно составляя 14,1%. При этом наиболее

быстрыми темпами в рамках представленного исследовательского интервала росли социальные выплаты и оплата труда.

Для определения уровня неравенства доходов населения используются следующие показатели:

1. Коэффициент Джини, для которого значение выше 0,4 считается критическим [39]. Как отмечают в своих исследованиях В. Н. Бобков и О. В. Вередюк [40], в странах с высоким уровнем ВВП на душу населения коэффициент Джини может находиться ниже пороговых значений в интервале (0,29–0,34), в странах с низким уровнем ВВП на душу населения – выше пороговых значений в интервале (0,41–0,63).

2. Следующим используемым коэффициентом является коэффициент фондов, для которого уровень 8:1 считается нормальным [41]. Самый низкий коэффициент, значения которого варьируются в пределах от 3 до 4, наблюдается в Скандинавских странах, в частности, в Швеции, Финляндии и Дании, невысокий коэффициент (5–7) – во Франции, Австрии, Германии. В США его уровень выше и составляет 15, а в Бразилии он достигает 39 в связи с ростом неоднородности распределения доходов при переходе на более низкие иерархические уровни территориального деления.

3. Децильный коэффициент дифференциации, который характеризуется соотношением минимального размера заработной платы 10% наиболее высокооплачиваемых работников к максимальному размеру заработной платы 10% наименее оплачиваемых работников с учетом значений 1-го и 9-го дециля соответственно.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлено, что неравенство уровня доходов имеет определенные экономические, социальные и политические последствия [42]. Так, например, экономические последствия оказывают негативное влияние на потребление, что подтверждают результаты исследований Иванова В.Н. и А. В. Суворова А.В. [43]. Лица, имеющие высокий уровень доходов, расходуют больше средств на импортные товары, в том числе, приобретая их за границей. При этом, лица, обладающие сверхвысокими доходами, инвестируют значительные средства за границу. По мнению А. М. Зернаевой [44], рост дифференциации доходов препятствует формированию среднего класса, обеспечивающего значительную долю платежеспособного спроса на внутреннем рынке.

2. Установлено, что политические последствия неравенства доходов связаны с высокой дифференциацией доходов, обусловленных недовольством населения в связи с несправедливостью распределения доходов, следствием которого, в частности, может стать политическая нестабильность. По мнению М. Ю. Малкиной [42], в большей степени это

касается развивающихся стран при проведении радикальных экономических реформ. Проведенные ранее зарубежные исследования, результаты которых, в частности, представлены в работе [45] позволили выявить влияние неравенства доходов на поведение избирателей. Так, например, в период относительной экономической стабильности снижается доля избирателей, голосующих за левые партии, тогда как в периоды спада предпочтения избирателей в их пользу растут.

3. Выявлено, что социальные последствия неравенства доходов связывают с так называемым закреплением социальных страт. Кроме того, уровень неравенства влияет на настроения общества. Неравенство может обострять чувство справедливости, что приводит к снижению морального духа и впоследствии отрицательно сказывается на производительности труда работников. В своем исследовании В. Н. Иванов и А. В. Суворов [43] приводят результаты исследований, которые свидетельствуют о высокой корреляции между уровнем неравенства и масштабами преступности.

4. Установлено, что неравенство доходов зависит от двух составляющих – высокие доходы богатых и низкие доходы бедных. Следовательно, регулирование возможно двумя путями: ограничение богатства и увеличение доходов бедных [46]. Соответственно существует два метода снижения неравенства доходов населения: фискальная (в том числе налоговая) политика и социальная политика (поддержка малообеспеченных граждан).

5. В развитых странах успешно применяются следующие фискальные методы снижения неравенства доходов населения, среди которых выделяют следующие меры социальной политики:

- установление прогрессивной шкалы налогообложения, внедрение которой приводит к росту эффективной налоговой ставки с ростом налогооблагаемой базы [47], при этом максимальные ставки отмечаются в Дании и Нидерландах – по 60%, а также в Швеции – 65%;
- высокие ставки налога на дивиденды для физических лиц, которые в мировой практике варьируются в пределах от 15 в Бельгии до 50% в Японии [43];
- предоставление налоговых вычетов и льгот для малообеспеченных граждан, для которых устанавливается необлагаемый минимум дохода, находящийся на уровне ниже нормальной стоимости воспроизводства рабочей силы [40];
- реализация программ социальной помощи для людей с низкими доходами на примере зарубежного опыта, где расходы на социальную поддержку, например, в Великобритании составляют 28% ВВП, Германии – 31%, Италии – 30%, Франции – 34%. По данным В. Н. Иванова и А. В. Суворова [43], такие программы позволяют развитым

европейским странам в 2–3 раза снизить долю населения, чьи доходы находятся ниже черты бедности.

Отмечается, что для России характерна высокая дифференциация доходов населения. В целях снижения неравенства доходов научное сообщество считает, что целесообразно провести ряд изменений в сфере фискальной и социальной политики государства в следующих областях:

- введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, которая бы затронула 5–10% граждан с самыми высокими доходами;
- существенное увеличение размеров налоговых вычетов по НДФЛ для группы населения с самыми низкими доходами и семей с детьми;
- увеличение ставки налога на дивиденды для физических лиц до среднеевропейских значений;
- увеличение расходов на программы социальной поддержки населения и значительное увеличение их адресности.

3. Современные особенности и тенденции неравенства уровня доходов

Одной из наиболее современных работ является исследование [48], в котором рассмотрены основные тенденции и предпосылки неравенства уровня доходов в современных условиях. Всего через 10 лет после окончания Великой рецессии 2009 года экономика США полностью восстановилась по нескольким направлениям. Так, рынок труда расширяется более 110 месяцев подряд, что является рекордом для эпохи после Второй мировой войны. В свою очередь, уровень безработицы в ноябре 2019 года составил 3,5%, которого не было с 1960-х годов. Рост занятости также оказал положительное влияние на доходы домохозяйств, которые в последние годы возросли. При этом доходы домохозяйств в этом столетии возросли незначительно, а благосостояние домохозяйств не вернулось к докризисному уровню. Экономическое неравенство, измеряемое разрывом в доходах или уровнем богатства, продолжает увеличиваться.

В этом отчете представлены оценки неравенства доходов на основе доходов домохозяйств, полученные в ходе текущего обследования населения (CPS) — обследования домохозяйств, проведенного Бюро переписи населения США в партнерстве с Бюро статистики труда. Эти оценки относятся к валовому (до налогообложения) доходу и охватывают большинство источников дохода. Ключевым недостатком является стоимость услуг в натуральной форме, полученных из государственных источников. Поскольку подоходный налог является прогрессивным, а услуги в натуральной форме также способствуют повышению экономического благосостояния более бедных их получателей,

неучет этих двух факторов может увеличить истинный разрыв финансовых ресурсов более бедных и более богатых домохозяйств.

В связи с этим Управление Конгресса США по бюджету предлагает альтернативную оценку неравенства доходов, которая учитывает выплаты федеральных налогов и более широкий спектр денежных переводов и услуг в натуральной форме, чем это возможно по данным текущего обследования населения. Так, Управление Конгресса считает, что коэффициент Джини в США в 2016 году колебался от 0,595 без учета любых форм налогов и трансфертов до 0,423, после полного учета налогов и иных отчислений. Эти оценки охватывают данные Бюро переписи населения США с уровнем 0,481 для коэффициента Джини в 2016 году. По любой из представленных оценок можно сделать вывод, что неравенство доходов в США увеличилось примерно на 20% с 1980 по 2016 год (коэффициент Джини колеблется от 0 до 1 или от полного равенства до полного неравенства). Данные других исследователей показывают аналогичные результаты совокупного роста неравенства за этот период, независимо от учета трансфертов в натуральной форме.

Рост доходов в последние десятилетия коснулся домохозяйств с более высокими доходами. В то же время средний класс США, который когда-то составлял большинство американцев, сокращается. Таким образом, значимая доля совокупного дохода страны приходится на домохозяйства с более высокими доходами, а доля домохозяйств со средним и низким доходом снижается. Так, например, доля взрослых американцев, проживающих в домохозяйствах со средним уровнем дохода, снизилась с 61% в 1971 году до 51% в 2019 году. При этом снижение доли среднего класса не является признаком регресса. С 1971 по 2019 год доля взрослых с высоким доходом увеличилась с 14 до 20%. При этом доля населения с низким доходом увеличилась с 25 до 29%. В свою очередь, доходы среднего класса не увеличивались такими темпами, как доходы лиц с наиболее высоким уровнем доходов. С 1970 по 2018 год средний доход среднего класса увеличился с 58100 долларов США до 86600 долларов США, то есть на 49%, что значительно ниже, чем 64-процентный рост доходов более обеспеченных домохозяйств, чей средний доход увеличился со 126100 долларов США в 1970 году до 207400 долларов США в 2018 году. Доля домохозяйств с более низким уровнем доходов увеличилась на 43%, с 20000 долларов в 1970 году до 28700 долларов в 2018 году долл. США.

С 1981 по 1990 годы наблюдалось снижение среднего дохода семьи, обусловленное потерей 0,1% в годовом исчислении для семей из самого низкого квинтиля (нижние 20% доходов) до прироста на 2,1% в год для семей из самого высокого квинтиля (верхние 20%). При этом верхние 5% семей, входящие в высший квинтиль, жили еще лучше — их доходы

увеличивались на 3,2% ежегодно с 1981 по 1990 год. Таким образом, 1980-е годы ознаменовали начало длительного и неуклонного роста неравенства доходов. Говоря про современное состояние неравенства уровня доходов, следует отметить, что только у самых богатых семей наблюдался прирост доходов в период после начала Великой рецессии в 2007 году. С 2007 по 2016 году собственный капитал 20% самых обеспеченных слоев населения возрос на 13%, до 1,2 миллиона долларов.

В работе отмечается, что неравенство доходов может быть измерено несколькими способами, но независимо от методов измерения наблюдается рост неравенства доходов в США. Одним из широко используемых методов его измерения является коэффициент 90/10, который представляет собой отношение дохода, необходимого для попадания в число 10% самых высокооплачиваемых работников в США (90-й перцентиль), к доходу самых низкооплачиваемых 10% работников (10-й перцентиль). В 1980 году соотношение 90/10 в США составляло 9,1. Это означало, что доходы наиболее обеспеченных домохозяйств примерно в девять раз превышали доходы наименее обеспеченных. Отмечен рост данного отношения каждое десятилетие, начиная с 1980 года, достигнув 12,6 в 2018 года, то есть наблюдался рост на 39% за весь исследовательский период.

Таким образом, в ходе проведенного в рамках настоящей работы исследования были получены следующие результаты:

1. Выявлено, что доходы населения, начиная с 1970-го года начали расти после длительного периода стагнации, что подтверждается целым рядом исторических фактов. В 2018 году средний доход домохозяйств Соединенных Штатов составил 74600 долл. США. При этом общая тенденция не учитывает два отдельных этапа эволюции доходов домохозяйств (первый длился с 1970 по 2000 годы, второй — с 2000 по 2018 годы), а также механизм их распределения. Большая часть увеличения доходов домохозяйств была достигнута в период с 1970 по 2000 год, за который среднедушевой доход увеличился на 41%, до 70800 долларов, при среднегодовом темпе прироста 1,2%. С 2000 по 2018 год рост доходов домохозяйств замедлился до среднегодовых темпов прироста, составляющих 0,3%. С 2015 по 2018 год средний доход домохозяйств в США увеличился с 70200 до 74600 долларов США со среднегодовым темпом прироста 2,1%, что значительно превышает показатели прироста доходов в период с 1970 по 2000 год и более соответствует характеристикам экономического роста 1980-х годов и эпохи пузыря доткомов конца 1990-х годов.

2. Установлено, что в домохозяйствах с более высокими доходами, начиная с 1980 года, наблюдалось ускорение роста доходов. Рост доходов после Великой рецессии коснулся домохозяйств с более высокими доходами. В то же время средний класс США,

который ранее составлял большинство американцев, начал сокращаться. Таким образом, значимая доля совокупного дохода страны в настоящее время приходится на домохозяйства с более высокими доходами, а доля домохозяйств со средними и низкими доходами снижается. Подтверждением указанного тезиса служит то, что доля взрослых американцев, входящих в состав домохозяйств со средним уровнем доходов, снизилась с 61% в 1971 до 51% в 2019 году.

3. Рассчитано, что рост доходов был самым быстрым для 5% наиболее обеспеченных домохозяйств. Кроме того, начиная с 1980 года, доходы наиболее обеспеченных домохозяйств, входящих в верхние 5%, росли быстрее, чем доходы семей, находящихся ниже их по доходам. Обозначенное неравенство несколько снизилось после периода Великой рецессии. С 1981 по 1990 год изменение среднего дохода семьи колебалось от потери на 0,1% в годовом исчислении для семей из самого низкого квинтиля (нижние 20% доходов) до прироста на 2,1% в год для наиболее обеспеченных семей (верхние 20%). При этом верхние 5% семей, входящие в высший квинтиль, жили еще лучше — их доходы увеличивались на 3,2% ежегодно с 1981 по 1990 год. Таким образом, 1980-е годы ознаменовали начало длительного и неуклонного роста неравенства доходов.

4. Выявлено, что уровень богатства американских семей в настоящее время не стал выше, чем два десятилетия назад. Помимо дохода, богатство семьи является ключевым показателем ее финансовой безопасности. Богатство или собственный капитал представляет собой стоимость активов, принадлежащих семье, таких как любое недвижимое имущество или сберегательный счет, за вычетом непогашенного долга, такого как ипотека или студенческий кредит. Период с середины 1990-х до середины 2000-х был благоприятным для состояния портфелей американских семей в целом. Цены на жилье в этот период выросли более чем вдвое, а стоимость акций утроилась. В результате средний объем собственного капитала американских семей вырос с 94700 долларов в 1995 году до 146600 долларов в 2007 году, то есть на 55% в ценах 2018 года. При этом скачок цен на жилье оказался ипотечным пузырем, лопнувшим в 2006 году. Начиная с 2006 года цены на жилье резко упали, вызвав Великую рецессию 2007 года и резко снизив стоимость акций. Следовательно, средний собственный капитал домохозяйств упал до 87800 долларов к 2013 году, потеряв 40% по сравнению с пиковым значением 2007 года.

5. Установлено, что разрыв уровня благосостояния семей с высоким доходом и семей со средними и низкими доходами является резким и продолжает увеличиваться. Период с 1983 по 2001 год был относительно благополучным для семей, имеющих различный уровень доходов, однако он был ознаменован растущим неравенством. Уровень благосостояния домохозяйств со средним доходом увеличился в 1983 году до 144600

долларов в 2001 году, то есть на 42%. В свою очередь, состояние семей с низким уровнем дохода увеличилось с 12300 долларов в 1983 году до 20600 долларов в 2001 году, то есть на 67%. Тем не менее, доходы как для семей с низким, так и для домохозяйств, имеющих средние доходы уступали семьям с более высокими доходами, чей средний уровень богатства увеличился на 85% за тот же период, с 344100 долларов в 1983 году до 636000 долларов в 2001 году.

6. Доказано, что домохозяйства с высоким уровнем дохода становятся богаче быстрее. Самые богатые семьи в США за последние десятилетия добились большего прироста уровня благосостояния, чем другие группы домохозяйств. Данная тенденция усиливает растущую концентрацию финансовых ресурсов среди наиболее обеспеченных слоев населения. Наиболее ярко обозначенная тенденция проявилась в период с 1998 по 2007 год. В этот период собственный капитал 5% наиболее обеспеченных домохозяйств США увеличился с 2,5 млн долларов до 4,6 млн долларов, то есть на 88%, что фактически вдвое превышает 45-процентное увеличение уровня богатства 20% самых богатых семей, в которое входят наиболее обеспеченные 5% домохозяйств. Отмечено, что собственный капитал обозначенной группы населения во втором квинтиле увеличился только на 16%, с 27700 долларов в 1998 году до 32100 долларов в 2007 году. При этом доказано, что самые обеспеченные семьи также являются единственными, кто увеличил свое благосостояние в период после начала Великой рецессии в 2007 году. С 2007 по 2016 год средний собственный капитал 20% наиболее обеспеченных домохозяйств увеличился на 13% до 1,2 миллиона долларов. Для самых обеспеченных 5% домохозяйств он увеличился на 4% до 4,8 миллиона долларов. Напротив, собственный капитал семей с более низким уровнем благосостояния уменьшился как минимум на 20% с 2007 по 2016 годы. Наибольшие потери — 39% — понесли семьи из второго квинтиля по уровню благосостояния, чьи доходы упали с 32100 долларов в 2007 году до 19500 долларов в 2016 году. В результате разрыв в уровне благосостояния между самыми богатыми и наименее обеспеченными семьями в США более чем удвоился с 1989 по 2016 годы. Так, если в 1989 году состояние 5% самых богатых семей было в 114 раз больше, чем у семей во втором квинтиле: 2,3 миллиона долларов по сравнению с 20300 долларов, то к 2016 году это соотношение увеличилось до 248, что является гораздо более резким показателем роста, чем увеличивающегося разрыва в доходах.

Заключительной работой, представленной в рамках настоящего раздела обзора литературы, является исследование [49], в котором автором были проанализированы основные тенденции неравенства уровня доходов в России с учетом экономической стагнации последнего десятилетия. Выбранный в работе исследовательский интервал

включает в себя период современной экономической стагнации (2010 – 2019 годы), а также период системной трансформации 1990-х годов и период посткризисного восстановления экономики в 2000-е годы.

Таким образом, целью представленной работы является анализ и сопоставление выявленных в обозначенные периоды тенденций неравенства уровня доходов и их роли на современном этапе. В данной работе использованы скорректированные и дополненные последними значениями длинные ряды данных, характеризующие динамику неравенства доходов в России/СССР. Автором также отмечается, что данное исследование основано на теории человеческого капитала, отдающей предпочтение анализу структуры трудовых доходов. Однако в рамках представленной работы анализ проблематики неравенства был существенным образом расширен за счет использования инструментария институциональной экономики и экономической социологии. В отличие от неоклассического, институциональный подход позволяет акцентировать внимание на эффектах барьеров и социальных детерминантах, к которым относятся трансакционные издержки мобильности, различные виды социальной дискриминации, а также степень толерантности того или иного общества к неравенству. С учетом современной литературы, связывающей показатель неравенства доходов с его восприятием обществом, в данной работе был реализован междисциплинарный подход к исследованию экономического неравенства как институциональной характеристики социума постсоветской России с проекцией на предстоящие 10–15 лет.

Существуют различные показатели и методы измерения неравенства уровня доходов, представленные в специализированной литературе [50], [51]. Однако, несмотря на большое количество методик измерения неравенства доходов, существует целый ряд методологических проблем, препятствующих получению корректных результатов приводимого анализа, среди которых в рамках представленной работы выделены следующие:

- 1) Выбор единицы анализа (индивид, работник, домохозяйство), виды источников доходов (трудовые, предпринимательские и смешанные), форма получения доходов (денежные доходы, совокупные доходы), стадии измерения и виды получаемых доходов (рыночные, налогооблагаемые, располагаемые после уплаты налогов и трансфертов).

- 2) Выбор показателя: коэффициент Джини (наиболее часто используемый); индекс энтропии Тейла (в конце 1980-х продемонстрировал слабую предсказательную способность для России, показав дивергенцию с коэффициентом Джини); индекс Аткинсона (учитывает толерантность общества к неравенству); децильный коэффициент фондов (учитывает только верхний и нижний сегменты распределения, из которого выпадает 80% выборки);

доля 10%, 1% наиболее богатой части населения (выпадает подавляющая часть распределения доходов, но косвенно характеризует институциональную структуру распределения капитальных факторов производства).

Для оценки динамики неравенства доходов в России и выявления соответствующих тенденций в данной работе был применен показатель дифференциала заработных плат в промышленности. Поскольку советская экономическая мысль рассматривала промышленность как ключевой сектор национальной экономики, уровень зарплат занятых в ней рабочих и служащих (прежде всего инженерно-технического персонала) получил непрерывное отражение в данных отечественной статистики. Исходя из теории человеческого капитала, соотношение зарплат служащих (включая руководителей и специалистов) и рабочих соотносится с разницей в продолжительности полученного ими образования в пересчете на один год. Согласно представленным результатам, было выявлено, что в 2000-е годы, с завершением наиболее острой фазы переходного процесса и на фоне восстановления экономики, в России наблюдалось снижение неравенства доходов. Данная тенденция, как и опережающее повышение доходов в нижнем сегменте, также была отмечена в широко обсуждавшемся в исследовании, проведенном на основе использования данных РМЭЗ НИУ ВШЭ [52].

Несмотря на приведенные выше доказательства сокращения неравенства доходов, оно сохраняется не только по историческим, но, как следует из базы данных, и по межстрановым сопоставлениям. Важный вопрос заключается в содержательной интерпретации высоких значений индикаторов неравенства доходов и богатства. Специфика института частной собственности в условиях тенденции к фактическому огосударствлению экономики требует корректировок в сторону более сдержанных суждений, по крайней мере, в контексте сопоставления с другими странами. Эта специфика проявляется, прежде всего, в том, что частные экономические субъекты могут выступать агентами государства и/или различных групп российской политической элиты.

В данной работе отмечается, что в настоящее время сохраняются значительные различия в пространственно-географическом размещении производительных сил между российскими регионами при низкой мобильности рабочей силы. К этому добавляются снижение роли независимых профсоюзов в условиях приоритетности цели ограничения безработицы перед регулированием заработных плат в государственной политике на рынке труда. Потенциал сокращения дифференциации трудовой части доходов (после налогообложения) в предстоящие 10–15 лет оценивается в 5-6 п.п. по индексу Джини, несколько больше – в отношении совокупных доходов. При этом его могут ускорить как

институциональные перемены на рынке труда и в социальной сфере, так и некоторое ускорение темпов экономического роста.

При этом институциональные перемены на рынке труда могут быть связаны с активизацией государственной политики в части перераспределения доходов, вероятность последовательного проведения которой оценивается, достаточно высокая. В первую очередь к обозначенным переменам относится мягкое внедрение элементов прогрессивного налогообложения. Первым шагом в этом направлении стало принятие закона от 23.11.2020 №372-ФЗ. Следующим шагом может стать налогообложение элитного недвижимого имущества. Эти шаги являются не только возможностью учесть рекомендации экономической теории, но и ответом на социальный запрос со стороны общества. В то же время наименее реалистичной является перспектива введения базового дохода в России в той форме, в которой концепция данного института обсуждается в экономически развитых странах.

Заключение

В заключительной части представленного исследования следует отметить наиболее значимые выводы и результаты:

1. На основании представленной РМЭЗ НИУ ВШЭ статистической информации было выявлено, что с 2014 по 2018 годы наблюдался слабый тренд ухудшения уровня жизни населения России, а также материального положения и ожидаемых жизненных перспектив. За указанный период доля лиц полностью или частично удовлетворенных жизнью снизилась с 51,3% до 49,6%; заметивших улучшение своего материального положения – с 26,3 до 20,9%; заметивших его ухудшение поднялась с 16,4% до 23,9%. В пользу слабости тренда также говорит сокращение доли полностью или частично неудовлетворенных жизнью (с 25,0 до 24,7%).

2. Представлены расчетные значения потенциала сокращения дифференциации трудовой части доходов (после налогообложения) в предстоящие 10–15 лет, составившие 5-6 п.п. по индексу Джини, несколько больше – в отношении совокупных доходов. Рост представленного показателя может ускориться с учетом влияния институциональных перемен на рынке труда и в социальной сфере, а также некоторого повышения темпов экономического роста.

3. Проведенный в рамках настоящей работы анализ позволил выявить некоторые тенденции динамики неравенства доходов в течение последнего десятилетия экономической стагнации в России. В частности, было выявлено, что неравенство совокупных доходов умеренно снизилось, дифференциация заработных плат осталась на прежнем уровне или умеренно возросла за счет повышения премий за квалификацию и

навыки при снижении вклада факторов, слабо связанных с интеллектуальными характеристиками работников. Представленные выводы согласуются со значительным сокращением относительной бедности домохозяйств, прежде всего в результате активизации парораспределительной политики.

4. Несмотря на то что в течение 2000-х годов в России наблюдалось заметное снижение неравенства как заработных плат, так и совокупных доходов, с учетом исторических и межстрановых сопоставлений, оно остается сравнительно высоким и сопоставимым с уровнем России начала XX века, который соответствует институциональной среде раннеиндустриальной рыночной экономики, значительно превышая уровни советского периода. Динамика последнего десятилетия скорее подтверждает представленный ранее прогноз о сохранении роста неравенства доходов в России и наличии умеренного потенциала к его ослаблению. В качестве ответа на проявляющиеся признаки снижения толерантности российского общества к неравенству со стороны государства обозначились первые шаги в направлении мягкого внедрения элементов прогрессивного налогообложения. Оценивая их в рамках долгосрочной политики с более широким спектром фискальных инструментов, мы подтверждаем возможность возобновления сокращения дифференциации зарплат (после налогообложения) на 5-6 процентных пунктов до 35% по индексу Джини.

Заключительные положения представленной работы позволили сформулировать следующие основные результаты:

1. Доказано ограниченное влияние глобализации на неравенство уровня доходов, которое объясняется наличием двух разнонаправленных тенденций:

- с одной стороны, глобализация международной торговли связана с сокращением неравенства;
- с другой стороны, финансовая глобализация, связанная с притоком прямых иностранных инвестиций, способствует росту неравенства доходов населения страны.

2. Выявлено, что основу совокупного прироста индекса Джини составило использование технологий, способствовавших среднегодовому приросту на 0,74%, относительно других составляющих его элементов. а глобализация способствовала дополнительному приросту 0,08% в годовом исчислении. Представленные оценки показывают, что расширение доступа к образованию и уход от сельского хозяйства в сфере занятости оказали смягчающее воздействие на неравенство.

3. Выявлено, что для развитых стран импорт из развивающихся стран не связан со снижением неравенства, что противоречит теореме Столпера-Самуэльсона и согласуется с заменой низкооплачиваемых рабочих мест на производстве более высокооплачиваемыми

в сфере услуг, в частности, в сфере розничной торговли и потребительского кредитования. Как и следовало ожидать, импорт из других стран с развитой экономикой не оказал аналогичного положительного влияния на неравенство, в связи с тем, что более дорогой импорт, скорее всего, коснется только слоев населения с наиболее высоким уровнем дохода.

4. Доказано, что как в развитых, так и в развивающихся странах ПИИ связаны с ростом неравенства доходов, как при их оттоке, так и при их притоке в другие страны. С точки зрения принимающей страны ПИИ, как правило, направляются в отрасли, работники которых имеют более высокую квалификацию и владеют высокими технологиями. Стоит отметить, что несмотря на то, что ПИИ увеличивают занятость и доходы, они, как правило, благоприятствуют тем, кто уже имеет относительно более высокий уровень квалификации и образования. В результате как в развивающихся, так и в развитых странах приток ПИИ увеличивает относительный спрос на более квалифицированных работников. Так, экспорт ПИИ из развитых стран ведет к увеличению неравенства за счет сокращения возможностей трудоустройства в отраслях с относительно низким уровнем квалификации.

5. Представленные в работе оценки с использованием нового и более надежного набора данных о неравенстве и подробного описания показателей глобализации, разложенных на элементы, свидетельствуют о том, что наблюдаемый рост неравенства как в развитых, так и в развивающихся странах за исследуемый период в значительной степени объясняется влиянием технологических изменений.

6. Выявлен пятикратный рост объемов мировой торговли в реальном выражении с 1980 года, а доля торговли в мировом ВВП за этот период увеличилась с 36 до 55%. Отмечено, что торговая интеграция ускорилась в 1990-е годы, когда страны бывшего Восточного блока интегрировались в глобальную торговую систему, а развивающаяся Азия — один из наиболее закрытых для торговли регионов в 1980-е годы — постепенно снял торговые барьеры.

7. Доказано, что финансовая глобализация в исследуемый период имела очень высокие темпы, что подтверждается более чем двукратным увеличением трансграничных финансовых активов (с 58% мирового ВВП в 1990 году до 131% в 2004 году соответственно). Следует отметить, что доля ПИИ в совокупных обязательствах возросла во всех странах с формирующимся рынком с 17% от их совокупных обязательств в 1990 году до 38% в 2004 году, что значительно превышает долю пассивов портфельного капитала, которая возросла с 2 до 11% от общей суммы обязательств за тот же период. При этом доля международных резервов в трансграничных активах также возросла, отражая

накопление резервов во многих странах с формирующимся рынком, а также в развивающихся странах за исследуемый период.

Список использованной литературы:

1. Thomas Goda. Global trends in relative and absolute income inequality// *Ecos de Economía: A Latin American Journal of Applied Economics*, Vol. 42.No. 20.2016. pp. 46-69.
2. Anthony B Atkinson. Bringing income distribution in from the cold// *The Economic Journal*. Vol. 10.No. 441, 1997. pp. 297-321.
3. Dierk Herzer, Sebastian Vollmer. Inequality and growth: evidence from panel cointegration// *Journal of Economic Inequality*. Vol. 10. No. 4. 2012. pp. 489-503.
4. Dierk Herzer, Sebastian Vollmer. Rising top incomes do not raise the tide// *Journal of Policy Modeling*. Vol. 35. No. 4, 2013. pp. 504-519.
5. Joseph E. Stiglitz. *The Price of Inequality*// London: Penguin Books, 2012.
6. Thomas Goda, Photis Lysandrou. The contribution of wealth concentration to the subprime crisis: a quantitative estimation// *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 2. No. 38. 2014. pp. 301-327.
7. Daniel Halter, Manuel Oechslin, Josef Zweimüller. Inequality and growth: the neglected time dimension// *Journal of Economic Growth*. Vol. 19.No. 1. 2014. pp. 81-104.
8. Özlem Onaran, Giorgos Galanis. Income distribution and growth: a global model// *Environment and Planning*. Vol. 10. No. 46. 2014. pp. 2489-2513.
9. Andrew Gouinlock Berg, Jonathan David Ostry, Charalambos G. Tsangarides, Yorbol Yakhshilikov. Redistribution, Inequality, and Growth// *IMF Staff Discussion Note*. 2014. No. SDN/14/02.
10. Engelbert Stockhammer. Rising Inequality as a cause of the present crisis// *Cambridge Journal of Economics*. 2015. Vol. 3. No. 39. pp. 935-958.
11. François Bourguignon, Christian Morrisson. Inequality Among World Citizens: 1820-1992// *American Economic Review*. September 2002. Vol. 4. No. 92. pp. 727-744.
12. Branko Milanovic. *Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality*// Cambridge University Press ed. Princeton: Princeton University Press, 2005.

13. Jutta Bolt, Jan Luiten Van Zanden. The Maddison project: collaborative research on historical national accounts// *The Economic History Review*. Vol. 3. No. 67, August 2014. pp. 627-651.
14. Thomas Goda, Alejandro Torres. *The Rising Tide of Absolute Global Income Inequality During 1850–2010: Is It Driven by Inequality Within or Between Countries?*// 1573092103038300th ed. Springer Nature, 2017.
15. Branko Milanović. Global inequality recalculated and updated: the effect of new PPP estimates on global inequality and 2005 estimates// *Journal of Economic Inequality*. 2012. Vol. 10. No. 1. pp. 1-18.
16. Branko Milanović. *Global Income Inequality in Numbers: in History and Now*// *Global Policy*. 2013. Vol. 2. No. 4. pp. 198-208.
17. Florence Jaumotte, Subir Lall, Chris Papageorgiou. *Rising Income Inequality: Technology, or Trade and Financial Globalization?* // *IMF Economic Review*. 2013. Vol. 2. No. 61. pp. 272-309.
18. David Coe, Elhanan Helpman, Alexander Hoffmaister. *North-South R&D Spillovers* // *The Economic Journal*. 1997. Vol. 440. No. 107. pp. 134-149.
19. Helder Ferreira de Mendonça, Diogo Martins Esteves. *Income inequality in Brazil. What has changed in recent years?* // *CEPALReview*. April 2014. Vol. 112. No. 112. pp. 107-123.
20. Leonardo Gasparini. *Different lives: inequality in Latin America the Caribbean* // *Inequality the State in Latin America and the Caribbean*. 2003. Washington, D.C., World Bank.
21. Dani Rodrik. *Has Globalization Gone Too Far?*// Peterson Institute for International Economics ed. Washington D.C., Institute for International Economics, 1997.
22. William Easterly. *National Policies and Economic Growth: A Reappraisal*// In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier, 2005. pp. 1015-1059.
23. Machiko Nissanke, Erik Thorbecke. *Channels and policy debate in the globalization-inequality-poverty nexus* // *World Development*. August 2006. Vol. 8. No. 34. pp. 1338-1360.
24. Steven D. Levitt, James M. Poterba. *Congressional distributive politics and state economic performance* // *Public Choice*. 1999. Vol. 1-2. No. 99.

25. Anil Rupasingha, Stephen J.Goetz. Social and political forces as determinants of poverty: a spatial analysis // *Journal of Socio-Economics*. August 2007. Vol. 4. No. 36. pp. 650-671.
26. Sanjeev Gupta, Hamid Davoodi, Rosa Alonso-Terme. Does corruption affect income inequality and poverty? // *Economics of Governance*. 2002. Vol. 3. pp. 23–45.
27. Oguzhan C. Dincer, Burak Gunalp. Corruption, Income Inequality, and Poverty in the United States // *Working Papers from Fondazione Eni Enrico Mattei*. 2008. Vol. 54.
28. Stephen Bond, Anke Hoeffler, Jonathan Temple from Economics Group, Nuffield College, University of Oxford. GMM Estimation of Empirical Growth Models // *Economics Papers*. 2001. No. 2001-W21.
29. Daron Acemoglu. Technical Change, Inequality, and the Labor Market // *Journal of Economic Literature*. March 2002. Vol. 1. No. 40. pp. 7-72.
30. Zhicheng Liang. Financial development and income distribution: A system GMM panel analysis with application to urban China // *Journal of Economic Development*. 2006. Vol. 2. No. 31. pp. 1-21.
31. Felix Haifeng Liao, Yehua Dennis Wei. Regional Inequality in China: Trends, Scales and Mechanisms // *Working Paper Series. Territorial Cohesion for Development Working Group*. September 2016. Document No. 202.
32. C. Cindy Fan, Mingjie Sun. Regional Inequality in China, 1978-2006 // *Eurasian Geography and Economics*. *Eurasian Geography and Economics* 2008. Vol. 1. No. 49. pp. 1–20.
33. Shenggen Fan, Ravi Kanbur, Xiaobo Zhang. China’s regional disparities: Experience and policy // *Review of Development Finance*. 2011. Vol. 1. pp. 47-56.
34. Dapeng Hu, Masahisa Fujita. Regional disparity in China 1985-1994: The effects of globalization and economic liberalization // *The Annals of Regional Science*. 2001. Vol. 1. No. 35. pp. 3-37.
35. Yingru Li, Yehua Dennis Wei. Multidimensional Inequalities in Health Care Distribution in Provincial China: A Case Study of Henan Province // *Royal Dutch Geographical Society KNAG. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. February 2014. Vol. 1. No. 105. pp. 91-106.

36. Wang Q. Jacob, Spackman D. J., Perring J. R., Schwarz A. E. Global budget and radiative forcing of black carbon aerosol: Constraints from pole-to-pole (HIPPO) observations across the Pacific // *Journal of Geophysical Research*. 195-206. Vol. 1. No. 119.
37. Guanghua Wan. China's Regional Inequality in Innovation Capability, 1995–2006 // *China & World Economy*, Institute of World Economics and Politics. Chinese Academy of Social Sciences. May 2012. Vol. 3. No. 20. pp. 16-36.
38. Костенко О. В., Костенко П. Е. Неравенство доходов населения в России: уровень и тенденции изменения // *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*. 2018. Vol. 2. pp. 90-95.
39. James Walton, Michael, Woolcock Michael. *Equity and Development: World Development Report*//World Bank. The World Bank and Oxford University Press. 2006.
40. Бобков В. Н., Вередюк О.В. Неравенство уровня жизни населения в России: внутренний и международный контексты (начало 1990-х и 2000-е годы) // *Экономика региона*. 2013. Vol. 35. No. 3. pp. 53–62.
41. Савина Т. Н. Дифференциация доходов населения как ключевая проблема современного российского общества // *Контентус*. 2015. Vol. 30. No. 1. pp. 92–98.
42. Малкина М.Ю. Институциональные основы неравенства доходов в экономике // *Journal of Institutional Studies*. 2016. Vol. 8. No. 1. pp. 100–120.
43. Иванов В. Н., Суворов А. В. Неравенство и бедность населения: опыт решения проблемы в России и за рубежом // *Проблемы прогнозирования*. 2006. Vol. 3. pp. 132–149.
44. Зернаева А. М. Неравенство доходов населения в России// *Инновационная наука*. 2016. Vol. 5-1. No. 17. pp. 75-78.
45. Bouveta F., King Sh. Income inequality and election outcomes in OECD countries: New evidence following the Great Recession of 2008–2009 // *Electora Studies*. 2006. No. 41. pp. 70-79.
46. Сычева И.Н., Пермякова Е.С. Зарубежный опыт и российская практика решения проблем социального равновесия в обществе // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2017. No. 1. pp. 99–105.
47. Васильев В.П. Государственное регулирование экономики. Учебное пособие// Москва: Дело и Сервис, 2012. 56 pp.

48. Juliana Menasce Horowitz, Ruth Igielnik, Rakesh Kochhar. Trends in income and wealth inequality. Trends in U.S. income and wealth inequality// Pew Research Center. 2022.
49. Диденко Д. В. Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы // Terra Economicus. 2022. Vol. 20. No. 2. pp. 72-85.
50. Кислицына О.А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. Москва: РИЦ ИСЭПН. 2005.
51. Салмина А.А. Сравнительный анализ показателей неравенства – их особенности и применение // Общество и экономика. 2019. No. 7. pp. 35–58.
52. Gorodnichenko Y., Sabirianova Peter K., Stolyarov D. Inequality and volatility moderation in Russia: Evidence from micro-level panel data on consumption and income// Review of Economic Dynamics. 2010. Vol. 13. No. 1. pp. 209-237.